

Б. О. Куценко

Русско-английский конфликт на Памире: несостоявшаяся война 1902 года *

В статье анализируется военно-политическая ситуация, сложившаяся на территории Памира и в приграничных землях в период с 1885 по 1902 год. Проблемы, связанные с обострением англо-русского соперничества в Центральной Азии, как и с попытками держав установить свой контроль над пограничными территориями Туркестана, включая ханства Дарваз, Читрал, Рошан и другие, не потеряли своей актуальности в силу их недостаточной изученности. Наличие значительного числа белых пятен в освещении механизмов военно-политического давления на туземное население со стороны Российской и Британской империй, не позволяет в полной мере представить действительное состояние дел в Припамирье, без которого сложно оценить развитие международных отношений конца XIX — начала XX века в целом. На основе архивных документов, ряд из которых впервые вводится в научный оборот, предпринят анализ практических шагов британской и российской дипломатии в отношении пограничных азиатских ханств. Содержание архивных документов позволяет сделать вывод, что политика Великобритании и Российской империи в регионе Памира во многом была обусловлена стратегическими интересами держав как части глобальной политики по установлению своего влияния в регионе Центральной Азии. Автор приходит к выводу, что изменения в балансе военно-стратегического противостояния в регионе, произошедшие на рубеже XIX–XX веков, несли реальную угрозу прямого военного столкновения Российской и Британской империй, что могло стать прологом мировой войны. Несмотря на материальные потери, понесенные Великобританией в период решения памирского вопроса, британская дипломатия сумела извлечь выгоду из своего поражения, превратив памирский вопрос в инструмент давления на Петербург, что ограничило самостоятельность Российской империи при решении проблем в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Афганистан; Британская Индия; Великобритания; Дарваз; Китай; международные отношения; Памир; Российская империя; Туркестан; Читрал

Англо-русское противостояние в борьбе за влияние в Центральной Азии отчетливо обозначилось на рубеже XVIII–XIX веков и заметно обострилось к последней четверти XIX века. Несмотря на заключение ряда соглашений о создании буферных, потенциально входящих в сферы интересов двух держав зон между территориями движение к территориальному расширению империй не прекратилось. В отечественной и зарубежной исторической науке англо-русское противостояние на узком «фронте» Припамирья, традиционно рассматривалось в русле глобальной стратегии двух держав в Азии. Между тем именно здесь противоречия приняли наиболее жесткую форму, что могло спровоцировать не дипломатический, а военный конфликт. Такой конфликт неизбежно втягивал в себя соседние Афганистан, Китай и Иран и мог кардинальным способом изменить всю политическую ситуацию в мире. Представляется важным с научной точки зрения ответить на вопрос, как удалось избежать крайних форм проявления колониальной политики и каковы были последствия конфликта.

Взаимное стремление России и Великобритании усилить свои позиции в буферных зонах неизбежно толкало обе страны к укреплению военного потенциала и созданию надежных опорных пунктов в пограничных областях. Так, после подписания российско-британского договора 1873 года о пограничном разграничении между Бухарским и Афганским эмиратами Россия в 1876 году захватила Кокандское ханство, оазисы Мерв в 1884 году и Пенде в 1885 году, что спровоцировало новый кризис с участием не только России и Великобритании, но и зависимого от англичан Афганистана. Очередной русско-британский договор 1885 года о пограничном разграничении не только не снял всех спорных вопросов, но, напротив, создал ситуацию для «тихой экспансии» в регионе.

* Куценко Б. О. Русско-английский конфликт на Памире: несостоявшаяся война 1902 года // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 67–77. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.007>

Нельзя сказать, что в нагнетании напряженности в регионе виновата одна Российская империя. Дело в том, что согласно договору 1873 года во владение Российской империи переходили как завоеванные территории Кокандского ханства, так и вассально зависимые от него земли — Шугнан, Рошан, Вахан, Дарваз, включая восточные и южные части Памира. К сожалению, успех российских военно-дипломатических операций не был сразу же закреплен фактически по причине как нехватки сил, так и первоначального недопонимания всех нюансов новой геополитической ситуации. В частности, в отдельные области Дарваза еще не ступала нога европейского человека, что не позволяло нанести на карту конкретные ориентиры и юридически закрепить статус тех или иных территорий. Данной ситуацией не преминула воспользоваться Британская империя, инициировав поход афганских войск. В 1883 году армия афганского эмира неожиданно вторглась в провинции присоединенного к России Кокандского ханства и оккупировала их. Русское командование было застигнуто врасплох. Генерал А. К. Абрамов 13 сентября 1883 года докладывал в столицу: «Шугнан взят афганцами. Шугнанский бек Юсуф-Али с людьми приехал на Точта-Гурзуфский перевал. Сделать ничего не можем» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 2].

Медлительность российского командования вдохновила эмира Абдуррахмана на продолжение территориальных захватов, в результате чего был оккупирован Рошан. На территорию этих провинций был введен полуторатысячный афганский корпус. Появление иностранных войск и представителей администрации спровоцировало восстание туземного населения. Одновременно в Петербург было отправлено прошение, где выражалось желание таджикского народа принять подданство русского царя [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 35]. Последствий у такого шага было два. Во-первых, репрессии со стороны афганских завоевателей, в результате которых из 12 тыс. таджиков в этих областях к 1884 году в живых осталось только 5 тыс. [Там же. Д. 898. Л. 15–20], остальные были вырезаны афганцами, а оставшиеся в живых доведены фискальными поборами до нищенского существования. Край был полностью разорен. Национальную аристократию, претендовавшую на независимое владение своими маленькими княжествами, вывозили в Афганистан и там публично казнили при дворе эмира [Там же. Д. 898. Л. 26]. Во-вторых, Россия предприняла уже упоминавшийся военный поход своих войск в оазисы Мерв и Пенде, что значительно повысило угрозу непосредственного военного столкновения России и Великобритании в регионе.

Примечательно, но, обвиняя Россию в агрессивной внешней политике и жестокостях в отношении туземного населения, либеральная Великобритания вполне мирилась со зверствами на таджикских землях своего стратегического партнера в регионе — Афганистана. В принципе это было характерно для британской колониальной политики, которую не останавливали такие «мелочи», как национальные права и интересы, когда речь заходила о глобальных интересах империи. Различия коренились только в методах территориальных захватов. Если государство было крупным, таким как Кашмир, ему предлагался военный союз, войдя в который местная элита постепенно лишалась своих прав, а если суверенная страна не обладала значительным военным потенциалом, Великобритания просто стирала ее с политической карты и включала в состав своих владений.

Еще одним фактором, который повысил риск прямого военного дележа территорий региона между Россией и Великобританией, стали действия императорского Китая. Уместно отметить при этом, что кокандские беки издавна были врагами Поднебесной. Так случилось, что именно здесь нашли прибежище последователи джунгарских ходж после разгрома Джунгарии китайскими войсками. Не удивительно, что потеря Кокандом своей государственности позволила Пекину активизировать свою деятельность в восточной части Памира и вдоль границ бывшего Кокандского ханства. Заселяя приграничные территории своими подданными, китайские власти создали здесь опорные военные пункты и ввели собственную пограничную стражу. На части потерявших управление кокандских территорий устанавливалась китайская административная система [Times of India. 1891, 21 Nov.].

Такая политика Китая привела к столкновению интересов между Пекином и Кабулом, что разрушило хрупкое равновесие сил, достигнутое в результате подписания договора 1885 года. В новых обстоятельствах Великобритания в одностороннем порядке вышла из договоренностей и захватила все спорные территории вплоть до русской границы. Были подчинены Кашмир, Читрал, Гильгит, Канжут, возведены укрепленные районы на Гиндукуше. В 1890 году “Foreign office” сумел заключить с Афганистаном договор о вводе английских войск под видом разграничительной комиссии в «спорные памирские земли». Английским корпусом, начавшим движение в сторону российских границ, командовал лорд Берт Панипарк. По плану на территорию Русского Памира должны были войти 2 тыс. английских и 1 тыс. афганских солдат. Как сообщал газете «Пионер»

полковник Йет, после захвата региона англо-афганской армией планировалось постепенно ввести в регион еще 5 тыс. английских пехотинцев для закрепления успеха и дальнейшего удержания приобретенных территорий [The Pioneer Mail. 1893, 13 Sept.].

Однако реализовать на практике проект территориальной экспансии не удалось. Когда английские войска уже были выдвинуты к границам, афганское правительство неожиданно для своего союзника отказалось от взятых на себя обязательств. Великобритания, оставшаяся в данной ситуации одна против русской группировки Туркестанского военного округа, приняла решение вернуть войска в казармы. Трудно судить, чем руководствовалось афганское правительство. Возможно, оно испугалось нарушения геополитического баланса в регионе, что неизбежно наносило удар по собственному независимому положению; возможно, что сдерживающим фактом стали два русско-афганских соглашения (1885 и 1887 гг.), делимитировавших русско-афганскую границу от реки Герируд на западе до Малого Памира на востоке. Нельзя исключить и факт собственной игры Абдурахман-хана, стремящегося столкнуть между собою двух непримиримых врагов и в результате их обоюдного ослабления усилить свои позиции в регионе.

Несмотря на неудачу, британская дипломатия продолжила разрабатывать планы территориального освоения региона с участием Афганистана. Взамен несостоявшегося похода в 1890 году Абдурахман-хану был предложен новый проект по захвату части Памира. Предполагалось задействовать в операции две группировки войск: северо-западную во главе с сэром Джоном Роем и северо-восточную как ударную, которую намеревались перебросить в предполагаемую зону боевых действий из-под Бомбея [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 898].

В момент начала передислокации войск в 1890 году в Индии вспыхнули массовые беспорядки, основным центром которых как раз и стал Бомбей, что вынудило власти Британской Индии развернуть английский корпус прямо на марше и направить его на место постоянной дислокации для наведения порядка. Афганские власти были неприятно удивлены срывом компании и впредь в памирском вопросе стали больше уделять внимание защите собственных интересов.

После провала проектов двух военных операций, проведение которых в случае удачного завершения означало начало новой войны с Российской империей, власти Британской Индии осуществили попытку аннексии части этих территорий дипломатическим путем. Для этих целей были начаты секретные переговоры с китайской стороной. Суть переговоров заключалась в уступке Великобритании и Афганистану китайских территорий, в том числе и спорных областей бывшего Кокандского ханства, временно занятых войсками и администрацией Поднебесной, при этом была предпринята попытка организовать координацию китайской, английской и афганской сторон для достижения общих интересов в регионе. Непосредственно на Памир и в Кашгар для реализации этих целей была направлена группа английских разведчиков-дипломатов во главе с Янгхазбендом.

Однако к началу 1890 года российскому правительству стало понятно, что дальнейшее пассивное поведение на фоне британской активности в регионе может привести к потере не только части Памира, но и всех завоеваний империи в Центральной Азии. Поэтому со стороны российских дипломатических и военных властей были усилены меры по контролю за перемещением всех подозрительных лиц. В итоге английская группа была быстро обнаружена, выявлен ее состав и цели, одной из которых был вопрос о предварительном разграничении Памира [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 135]. По прибытии в Кашгар «английские путешественники» стали вести активные переговоры с китайской стороной, используя все возможные меры конспирации. Тем не менее русской контрразведкой быстро были установлены связи английской миссии как с китайским посольством, так и афганскими представителями. Любопытный факт приводит в своем донесении генеральный консул Российской империи в Кашгаре Н. Ф. Петровский. Он сообщал, что переговоры с Китаем ведутся в письменном виде через помощника Ф. Янгхазбенда, который «брал уроки китайского языка» у сотрудника Китайского консульства, приходившего ежедневно в дом «путешественников» [Там же. Л. 107–108]. Перехват уже первых писем не оставлял никаких сомнений в том, что русские власти имели дело с английскими шпионами и каковы цели и задачи их миссии. Янгхазбенд даже не подозревал, насколько плотно его опекала русская контрразведка. Приехав в Британскую Индию, он разразился рядом обиженно-обличающих газетных статей «честного гражданина — английского туриста», оскорбленного грубыми русскими властями [Там же]. Неудачливый резидент не мог предположить, что часть его шпионской переписки хранится в российском Министерстве иностранных дел (МИД) [Там же. Л. 66, 135] и его горькие упреки в сторону «русского медведя» встречали только улыбку сотрудников дипломатического корпуса [Там же. Л. 179–180].

В общем картина была ясна. От русского командования и дипломатического ведомства требовались действия по защите территориальной целостности империи и подготовке страны к возможной войне в регионе. С этой целью на Памир было отправлено соединение генерала М. Е. ИONOVA, усиленное офицерами Генерального штаба, в задачу которого официально входила картографическая съемка приграничных районов, установка приграничных знаков, защита местного населения и демонстрация российского присутствия в регионе.

Помимо этого, как выяснилось несколько позже, группа имела и несколько других важных заданий. Во-первых, на территории Российской империи был задержан английский гражданин Янгхазбенд [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 180], который был насильственно выдворен за ее пределы, а также его помощник, пойманный казачьим разъездом в районе Памира. Дипломатический скандал, последовавший за этим, и длительная переписка между МИДом и "Foreign office", послужили на благо России, так как инцидент был непосредственно связан с точной фиксацией пограничной линии Российской империи [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 864. Л. 84]. Во-вторых, часть группы во главе с генералом М. Е. ИONOVЫМ проникла на территорию ханства Читрал, обнаружив и описав удобный маршрут для возможного вторжения русских войск в Британскую Индию. Эта «научная работа» дала возможность Генеральному штабу империи оценить всю уязвимость английских коммуникаций в регионе и в дальнейшем не только иметь перспективные планы вторжения в Кашмир и Северо-Западную Индию, но и более взвешенно подходить к английским приготовлениям, реально оценивая их опасность. В результате этого марша «научная экспедиция» М. Е. ИONOVA практически подошла к Инду, ни разу не столкнувшись с британскими войсками [АВПРИ. Ф. 147. Л. 132].

Для Туманного Альбиона результаты этого похода стали ощутимым ударом и проекты вторжения в Русский Памир на некоторое время были сняты с британской повестки дня. Инициатива перешла к России, и теперь уже британская дипломатия требовала от Петербурга закрепления государственных границ и стабилизации ситуации в регионе. Достигнутый русско-британский компромисс был закреплен статьями договора 1895 года о разграничении Памира.

В 1896 году состоялось анонсированное договором 1873 года и подтвержденное договором 1895 года разграничение территорий с Афганистаном по реке Пяндж. Афганистан передавал Бухарскому ханству правобережные территории реки Пяндж — Шугнан, Рошан и Северный Вахан (из Шугнана и Рошана Афганистан по приказу Абдурахман-хана вывел свои войска еще в 1895 году) [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 898. Л. 15–20]. Бухара передавала Афганистану Дарваз. Население во всех этих провинциях было таджикское, говорило на одном диалекте и исповедовало ислам суннитского толка. Россия и Великобритания по обоюдному соглашению в переговорах не участвовали и на данные территории не претендовали, рассматривая страны, подписывавшие соглашения, как свои протектораты. Таким образом, между Российской империей и Великобританией в этом регионе создавалась естественная граница с нейтральными буферными государствами, что вполне устраивало обе стороны. Для Афганистана договор был выгоден, так как провинции Шугнан и Рошан, как отмечалось выше, были разорены и обезлюдели, а северный Вахан был слабо заселен и таджики здесь проживали некомпактно. Труднодоступная местность, оторванность от основных коммуникаций, восстания местного населения против афганского присутствия и расположение «в шаговой доступности» русских войск в совокупности делали нахождение афганцев на этих территориях абсолютно бесперспективным. Для России же было проблематичным защищать Дарваз на левом берегу Пянджа, несмотря на то, что в Дарвазе было не менее 12 тыс. человек и с фискальной точки зрения эти территории были выгоднее. Российская разведка считала, что таджики Дарваза ненавидят афганцев и при передаче территорий сразу же переселятся в Бухарское ханство [Там же. Л. 7–14], доходы которого в результате территориальных обменов удвоятся. К сожалению, дальнейшие события показали иное. Практически 95 % населения осталось на афганских территориях, приняв афганское подданство. (Как выяснилось позже, таджики ненавидели афганцев и бухарцев примерно одинаково) [Там же. Л. 15–20].

В период передачи территорий британцы пытались вмешаться в процесс. В докладе начальнику Главного штаба Н. Н. Обручеву, командующий Туркестанского военного округа генерал А. Б. Вревский сообщал о передаче территории следующее: «Таким образом, были отозваны войска из Кала-и-Пянджа и Зебака и, по слухам, было сделано распоряжение о выступлении большей части гарнизона Кала и Бара-Пянджа; но, по последним сведениям, выступление войск из последнего пункта было приостановлено и туда ожидается в непродолжительном времени прибытие афганского генерала и английского офицера» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 898. Л. 98]. Подобная ситуация возникла и на других участках передаваемой территории. К счастью, все недоразумения, вызванные английскими инициативами, удалось обойти и разграничение территорий в 1896 году было закончено.

Казалось бы, юридическое оформление территориальных споров должно было заметно снизить накал международной обстановки в регионе, однако этого не произошло по причине одного объективного обстоятельства: мир к концу XIX века вступил в фазу активного строительства военно-политических блоков, что неизбежно вело к усилению милитаристских настроений в национальных правительствах. Так, в 1894 году был заключен военный союз России и Франции, проведены демонстративные учения русско-французских флотов у берегов Британской Индии, учения по переброске русских корпусов из Закавказского военного округа в Туркестанский на границу Афганистана и Ирана. В Туркестане при французском финансировании стали активно строить транспортные коммуникации.

В свою очередь властями Британской Индии стали осуществляться планы по строительству укрепленных районов и крепостей в Читрале, Ладаке, Гиндукуше, а также прокладке железных и шоссейных дорог, соединяющих внутренние районы Индии с областями, граничащими с Туркестаном. Характер проводимых мероприятий указывал на преобладание оборонительных планов в командном корпусе Британской Индии, о чем, собственно, и докладывали в российский МИД индийские резиденты [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 132]. Тем не менее наученные горьким опытом общения с британской дипломатией, российские власти проводили активную разведку в приграничных районах. В Читрал забрасывалась агентура для сбора информации о системе охраны границы, о состоянии экономики, особенностях ландшафта местности и других материалах общего характера [Там же. Д. 898. Л. 84–88].

Катализатором нового витка англо-русского противостояния стал национальный вопрос, не решенный во время заключения межправительственных соглашений.

В 1897 году с территории, контролируемой командованием Туркестанского военного округа, на правый берег реки Пяндж переправился Нусретула-бек. Дойдя 20 июля до Дарваза, он поднял в регионе национально-освободительное восстание, взял в плен солдат афганского гарнизона [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 898. Л. 228]. Часть нукеров захватила стратегические опорные пункты в горах, после чего Нусретула-бек объявил о создании независимого государства Дарваз. К сожалению, из-за предательства внутри таджикской оппозиции восстание было быстро подавлено. В города и кишлаки вошла афганская армия. В результате первых столкновений были убиты один полковник, 50 афганских солдат и более 300 таджиков [Там же. Л. 226]. В горах началась партизанская война. Афганцы стали брать в плен все мужское население призывного возраста и вместе со скотом угонять на территорию Афганистана. На Горный Дарваз была наложена контрибуция в 17 тыс. рупий [Там же. Л. 231]. Кроме того, в край для борьбы с партизанами были введены на постоянной основе войска, содержание которых также стало обязанностью местного населения. Бек Нусретула вместе с ординарцем смог вернуться на большую землю и, по сведениям бухарских источников, продолжил борьбу за независимость своего народа. Судя по тому, что Абдурахман-хан начал массовое выдворение на левый берег Пянджа таджиков, имевших родственников на русской территории, можно утверждать, что спокойствие в Дарвазе не было установлено и в качестве основной причины продолжавшихся волнений афганцы рассматривали деятельность «русских таджиков». В результате карательных действий афганской армии доведенное до нищеты население горного Дарваза начало в массовом порядке спасаться, самостоятельно переплывая через Пяндж в пределы Бухарского эмирата. Только в течение первого месяца на территорию Туркестана перешла 401 семья [Там же. Л. 231]. К ноябрю 1897 года на левую сторону Пянджа перешла уже 701 семья, при этом сохранялась тенденция пересечения границы в сторону Российской империи двух-трех семей ежедневно [Там же. Л. 255]. Все перешедшие таджики получали бухарское подданство и в достатке наделялись землей.

Таким образом, к 1898 году практически все население Дарваза было принято в состав Российской империи и вместе с населением Шугнана, Рошана и Горного Вахана на три года освобождено от налогов. Бремя содержания администрации этих районов взял на себя Бухарский двор. К таджикам русские власти относились хорошо, называли его в официальных письмах народом арийским, отмечали его трудолюбие и добрый нрав [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 898. Л. 15–16]. Но была еще одна причина, по которой русские власти в отношении таджикского населения вели особую политику. Командующий войсками в Туркестане по этому вопросу писал: «Симпатиями таджиков нам следует дорожить, так как все пограничные с Памиром страны Бадахшан, Читрал, Гильгит, Канжут, Тагарна населены таджиками и притом находящимися иногда в родственных связях с населением Шугнана, Рошана и Вахана. В случае столкновений с Англией, Афганистаном и Китаем симпатии жителей племен, особенно в горной стране, для нас весьма важны» [Там же. Л. 241–242].

Настроения пограничного населения также учитывались афганскими и британскими властями. В июне 1898 года афганцы впервые закрыли свою границу по Пянджу, маскируя тем самым, как считала российская разведка, передислокацию в этом районе своих и английских войск, а также строительство новых укрепленных районов. Было переброшено 1200 человек пехоты из Кабула к Шугнану, ввезены дополнительные запасы провианта. Военная разведка Генерального штаба Российской империи зафиксировала одновременное увеличение группировок английских и афганских войск в Читрале и Шугнана. Особенно в донесениях отмечался крупный завоз провианта в приграничную крепость Кала-и-Бар Пяндж [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 898. Л. 283]. Вся эта военная активность свидетельствовала о начале подготовки совместной англо-афганской военной операции.

К середине 1898 года русская разведка располагала сведениями о том, что только в одном Читрале численность английской группировки достигла 6 тыс. человек [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 898. Л. 284]. На перевале Даррах перед Читралом была выстроена крепость с гарнизоном в 1 тыс. человек. К нейтральному стратегическому перевалу Барогиль летом 1898 года подошел отряд англичан в 1 тыс. штыков и окопался южнее перевала в ожидании дальнейших распоряжений. Особенно тревожным для России было то обстоятельство, что в Читрал стали стягиваться крупные соединения английской пехоты, обычно используемой Британией при проведении ответственных операций. К сентябрю 1899 года командующий Туркестанским округом докладывал начальнику Главного штаба В. В. Сахарову о готовности англичан аннексировать приграничные княжества Раскен и Тагдунбаш [Там же. Л. 334–336].

С 1900 года ситуация в Припамирье накалилась еще больше. Причиной послужили сведения о планах Великобритании создать на территории Рошана, Шугнана, Вахана, Ишкашана и Зебака нового «независимого государства» под управлением некоего Мардан Али Ша, являвшегося британским агентом. Операция по созданию нового государства должна была проводиться совместным афгано-британским контингентом и фактически стать инструментом по захвату Великобританией этих территорий. Афганистан должен был получить в качестве вознаграждения часть приграничных территорий Северо-Западной Индии.

Естественно, что захват части Русского Памира должен был бы с учетом русско-французского договора привести к началу мировой войны. Мнения в российском правительстве по этому поводу разделились. В дипломатическом корпусе считали невозможным начало войны по такому поводу и ставили под сомнение достоверность добытой информации [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 100]. Военное ведомство, напротив, с начала развития кризиса внимательно следило за ситуацией и, исходя из своих источников, уже в марте 1902 года прогнозировало начало войны. Капитан Генерального штаба Зайченко в своем рапорте от 24 марта 1902 года докладывал: «Донесения поручика Самсонова, полученные мною 18 сего марта, подтверждают имеющиеся до сего времени сведения о намерении англичан присоединить Афганский Вахан к владениям индо-британского правительства. Британское правительство готовится к изменению пограничной линии вдоль северной границы Канжута» [Там же. Л. 112–113].

Вскоре концентрация англо-афганских войск вдоль российской границы стала такова, что изменился тон докладов даже осторожных и выдержанных в стиле служащих МИДа. Генеральный консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский в рапорте от 16 апреля 1902 года писал: «Судя по всем полученным мною сведениям, англичане энергично готовятся к вооруженному столкновению с русскими. Цель их, очевидно, заблаговременно захватить все горные проходы. Кроме того, они, по всей вероятности, в случае боевых действий намерены занять Вахан, Зебаку, Фейзабад» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 114]. Действительно, к этому времени англичане уже закончили строительство основных и даже дублирующих коммуникаций в приграничных районах. На узловых станции были подвезены запасы продовольствия, началась переброска артиллерии к границам Вахана. У перевала Борогиль были сконцентрированы большие массивы строительного леса для организации переправ. Ситуация к лету 1902 года стала настолько угрожающей, что по поводу нее вполне определенно в секретной переписке высказался военный министр А. Н. Куропаткин: «Придаю наибольшее значение возможности занятия Англией Вахана. Так как этим, прежде всего, нарушается одно из условий разграничения нашего на Памирах в 1895 г. Установлено тщательное наблюдение за местностью, дабы в случае вступления англичан в Вахан принять соответствующие меры. Для обеспечения нашего Сарыкола мною разрешено усилить Паш-Курганский пост...» [Там же. Д. 896. Л. 172].

К началу сентября 1902 года ситуация на границе стала критической. Англичане, планомерно наращивая свою группировку войск в регионе, добились тотального перевеса в

численности пехоты и горной артиллерии. Только один гарнизон Мастунджа достиг численности в 400 человек. В августе 1902 года к Калаи-Дорош было переброшено 600 человек английской пехоты [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 192]. Для сравнения только эти подразделения отборной английской пехоты в пять раз превышали численность памирского отряда генерала М. Е. Ионова, расположенного на противоположной стороне границы. А если принять во внимание, что русский отряд был разделен на шесть частей и рассредоточен по всему Памиру в целях поддержания порядка, охраны границы и ведения разведки, можно констатировать, что в случае масштабного вторжения англо-афганских войск русские подразделения были обречены. Несмотря на героизм, присущий русскому солдату и хорошую подготовку, которую имели части генерала М. Е. Ионова, вряд ли они смогли бы удержать основные перевалы, не говоря уже о защите территории Памира.

В этой связи возникает вопрос, ответить на который мы пока не можем: почему Россия не предприняла никаких превентивных мер? Складывается впечатление, что русское командование либо намеренно провоцировало английскую сторону на удар по Русскому Памиру и вследствие начала этой войны рассчитывало втянуть в конфликт Францию для реализации совместных стратегических планов, либо российское правительство владело информацией, неизвестной англичанам и делающей их масштабные финансовые вложения бесполезными.

Наблюдательная позиция российской стороны никак не охладила и не насторожила Лондон. В частности, заместитель военного министра В. В. Сахаров в докладе графу В. Н. Ламсдорфу от 30 августа 1902 года сообщал: «Судя по последним сведениям, полученным от разведчиков нашего Памирского отряда, усиленные работы англичан в местностях, пограничных с Памирами, свидетельствующие о подготовке каких-то мероприятий в Вахане, Ишкашане, Зебаке, продолжаются с той же интенсивностью. В Читрал и Мастудж продолжают прибывать значительные транспорты с продовольствием и боевыми припасами, одновременно с усилением гарнизонов этих городов... В местах расположения дорог, идущих на перевалы, дорогах Даркот, Барогиль делаются запасы провианта. Близ Барогилья через реку Ярхунь строится мост у кишлака Санагарь» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 895. Л. 192].

Казалось, что военный конфликт в регионе неизбежен и горные перевалы будут захвачены англичанами, победа которых обеспечена в первой фазе будущей мировой войны. Однако случилось событие, которое повторило сценарий 1890 года. Афганцы, наиболее последовательные и относительно надежные союзники Великобритании, неожиданно отказались от всех договоренностей. Что стало тому причиной? Возможно, деятельность российского МИДа (тот фактор, который знали в Петербурге и не знали в Лондоне) или испуг афганских властей, обеспокоенных чрезвычайным усилением англичан в регионе. Но факт остается фактом: после угроз со стороны британских дипломатов в Афганистане объявили мобилизацию в приграничных округах и начали выдачу оружия местному ополчению. Афганистан в течение месяца из вероятного противника России превратился в его стратегического союзника. Китай в свою очередь к этому времени попал под контроль Российской империи. Таким образом, Британская империя потерпела сокрушительное поражение на дипломатическом фронте. Россия, не потеряв ни одного солдата, смогла защитить свои национальные интересы.

Казалось, что миллионы фунтов стерлингов были выброшены британской короной напрасно. К началу 1903 года горные английские части, выдвинутые вперед, оказались блокированы выпавшим снегом. Бесполезность такого количества пехотных соединений, горной артиллерии, инженерных частей, отрезанных от основных коммуникаций, и их уязвимость были очевидными.

Однако для британского МИДа этот урок не прошел даром: ситуацию в Припа-мирье дипломаты “Foreign office” в дальнейшем блестяще использовали. В Британской Индии в это время прошла программа перевооружения армии. В части в больших количествах стали поступать пулеметы, новые образцы винтовок, улучшалось материальное обеспечение войск. Самые лучшие образцы поступали в Северо-Западную Индию, где были развернуты наиболее боеспособные соединения. В 1903 году стало ясно, что Британия готовится не к локальному конфликту на Памире, а к глобальному столкновению с Россией и Францией, причем одного противника — Францию — Британия предпочитала вывести из противостояния дипломатическими методами, а с Российской империей — воевать чужими руками, используя третью сторону. В этой комбинации, как это не покажется странным, английская памирская группировка стала играть важную роль. С одной стороны, созданный к 1902 году британским командованием тотальный перевес в силе в районах горных перевалов, ведущих к Русскому Памиру, оказался бессмысленным, так как в случае активных действий в этом регионе в войну неизбежно вступала Франция и локальный конфликт перерастал в глобальный. С другой стороны, этот мощный кулак своим существованием создавал ситуацию, при которой

части Туркестанского военного округа не могли быть переброшены на другой участок боевых действий и заранее проигрывали английским войскам в численности и наличии горной артиллерии. В сложившейся ситуации эта группировка сама становилась ахиллесовой пятой Русской армии при задействовании ее основных сил в крупном военном конфликте на западе или востоке Евразии.

Л. Г. Корнилов в своем отчете о поездке по Индии писал: «Перемещение главной массы армии на северо-запад Индии, в связи с направлением, которым отмечена в последнее время пограничная политика индийского правительства, дает основание полагать, что англичане намерены придать обороне своих владений более активный характер, не останавливаясь даже перед захватом далеко выдвинутых вперед районов, важных в стратегическом отношении. Не останавливаясь на замыслах англичан относительно Сарыкола и Раскема, которые не имеют непосредственной связи с северо-западной границей, отмечу только попытки продвинуться в долины Кунара и Свата» [Корнилов, 1904, с. 89]. В этой своей роли английская группировка на Памире сначала служила прикрытием операции Ф. Янгхазбенда в Тибете, а затем во время Русско-японской войны не только удерживала в этом районе крупные соединения русской армии, но и, увеличивая свою группировку сил, маневрируя этими силами, удерживала угрозой ее применения Генеральный штаб Российской армии от заключительного удара по выдохшейся японской армии на Сыпингайских позициях [Русско-японская война, 1910. С. 21–22]. Дело в том, что связанная с Японией договором от 30 января 1902 года, Великобритания имела формальное право оказать военную поддержку своему союзнику, в том числе и применив военную силу в Азии. С этой точки зрения в «большой игре» англичане сделали сильный ход, выдвинув свои войска за линию Читрала и Ладака.

Рассматривая в совокупности действия России и Великобритании в регионе, можно прийти к выводу, что в своих внешнеполитических методах эти принципиально разные цивилизации были схожи, при этом тактические игры в регионе Памира у обеих сторон подчинялись стратегии большой игры в Азии и только через нее могут быть поняты. А русско-английской войны на Памире так и не случилось отчасти из-за позиции афганских и таджикских племен, отчасти из-за изменений в британском правительстве. В 1902 году в парламенте победило мнение либеральной партии и ее лидера, будущего министра иностранных дел лорда Эдварда Грэя, который был сторонником нормализации отношений с Россией, а не их обострения. Все это, конечно, не означало, что правительства двух империй потеряли интерес к игре в «доминирование в Азии», но стало прологом к сближению позиций и принятию в 1907 году соглашения о разграничении сфер влияния.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 147: Среднеазиатский стол. — Оп. 485. — Д. 864: Памиры: Русский отряд (1890–1892) ; Д. 895: Намерение англичан овладеть левым берегом Пянджа (1902) ; Д. 897: Оглашение в печати секретного документа (1903) ; Д. 898: Шугнан, Рошан, Вахан, Дарваз (1885–1900) ; Д. 900: Памир. Разрозненные документы (1884–1904) ; Оп. 486. — Д. 896: Дело о Памирском отряде (1902).
2. Корнилов Л. Г. Отчет о поездке по Индии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (Секретное приложение № 8). — СПб. : Изд-во воен.-стат. отд. Гл. штаба, 1904. — 133 с.
3. Русско-японская война 1904–1905 гг. : в 9 т. / Военно-историческая комиссии по описанию Русско-японской войны. — Т. 1. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1910. — 868 с.
4. Colonel Yet. “Pamir affair” // Times of India. — 1891, 21 Nov.
5. How we lost the Pamir // The Pioneer. — 1893, 13 Sept.

Сведения об авторе

Куценко Борис Олегович — кандидат философских наук, религиовед, независимый исследователь. Сфера научных интересов: история дипломатии Российской империи в азиатском регионе (XIX–XX вв.), компаративистика, феноменология религии.

Контактная информация: электронный адрес: kykenkof4444@yandex.ru

**The Russo-English Dispute over the Pamir Boundary:
an Unfought War of 1902 ***

The article analyzes the military and political situation in the Pamirs and adjacent regions in the period of 1885–1902. Anglo-Russian rivalry in Central Asia and the countries' attempts to establish control over the territories adjacent to Turkestan (including the Darvaz Khanate, the Chitral Khanate, the Roshan Khanate and other territories) remain largely underinvestigated, and therefore, relevant. The mechanisms of military and political influence exerted by the Russian Empire and the British Empire on the indigenous population of the Pamir region have never been subjected to rigorous analysis. Hence, we cannot properly assess the real situation in the Pamirs, nor can we appreciate the development of international relations in the late 19th — early 20th centuries. The analysis of previously unstudied archival materials enables the author to investigate practical measures adopted by British and Russian diplomats in relation to the Pamir and the adjoining khanates. The analysis of archival documents enables the author to conclude that the political strategies of both Britain and Russia were largely predetermined by the necessity to establish their dominance over Central Asia. The author concludes that the change in the military and strategic balance in the region at the turn of the 19th – 20th centuries threatened to trigger off an open confrontation between the British Empire and the Russian Empire and could eventually lead to the global military conflict. Despite military losses sustained by Great Britain in an attempt to resolve the Pamir dispute, British diplomats managed to achieve gains by transforming the Pamir dispute into a tool of exerting influence over Russia, which significantly limited the influence of the Russian Empire in Southeast Asia and in the Far East.

Afghanistan; British Indies; Great Britain; Darvaz Khanate; China; international relations; Pamir; Russian Empire; Turkestan; Chitral

SOURCES AND ABBREVIATIONS

1. Foreign Policy Archive of Imperial Russia. F. 147: *Sredneaziatskij stol* [Central Asia]. Op. 485. D. 864: *Pamiry: Russkij otrjad (1890–1892)* [The Pamirs: the Russian Team (1890–1892)]; D. 895: *Namerenie anglichan ovladet' levym beregom Pjandzha (1902)* [The British Plans to Occupy the Left Bank of the Pyandj River (1902)]; D. 897: *Oglashenie v pečati sekret'nogo dokumenta (1903)* [Disclosing a Classified Document (1903)]; D. 898: *Shugnan, Roshan, Vahan, Darvaz (1885–1900)* [Shugnan Khanate, Roshan Khanate, Vakhani Khanate, Darvaz Khanate (1885–1900)]; D. 900: *Pamir. Razroznennye dokumenty (1884–1904)* [The Pamirs. Miscellaneous Documents (1884–1904)]; Op. 486. D. 896: *Delo o Pamirskom otrjade (1902)* [The Case of the Pamir Team (1902)]. (In Russian).
2. Kornilov L. G. A Report about a Journey to India. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii (Sekretnoe prilozhenie N 8)*. [Collected Geographic, Topographic and Statistical Data about Asia (Classified Supplement no. 8)]. St. Petersburg, Military-Statistical Division of the Main Headquarters Publ., 1904, 133 p. (In Russian).
3. *Russko-japonskaja vojna 1904–1905 gody: v 9 tomah. Voенно-istoricheskaja komissii po opisaniju Russko-japonskoj vojny. Tom 1* [The Russian-Japanese War of 1904–1905: in 9 vols. Military and Historical Commission on the Russian-Japanese War. Vol. 1]. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Publishing House Publ., 1910, 868 p. (In Russian).
4. Colonel Yet. "Pamir affair". *Times of India*. 1891, Nov. 21.
5. How we lost the Pamir. *The Pioneer*. 1893, Sept. 13.

Information about the author

Kutsenko Boris Olegovich — Candidate of Philology, religious scholar, independent researcher.
Research interests: history of diplomacy of the Russian Empire in the Asia (19th–20th centuries), comparative studies, religious phenomenology.
Contact information: e-mail: kykenkof4444@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.03.2020
Received 17.03.2020

* Kutsenko B. O. The Russo-English Dispute over the Pamir Boundary: an Unfought War of 1902. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 2 (67), pp. 67–77. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.67.2.007>